

© Резанов Д. А.

Резанов Д. А. – аспирант кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южно-украинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

УДК:343.971:101.8

ПРОТИВОРЕЧИЕ В ТЕОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Многообразии возможных подходов к изучению преступления сводится к двум наиболее общим принципам – тотализации и контрадикции. Разбор некоторых проблем платоновского диалога «Филеб» используется как пример неэффективности тотализирующего метода. Преступление осмысливается как прорыв ограниченного целого в пользу бесконечного становления субъекта.

Ключевые слова: теория преступления, тотализация, контрадикция, предел, беспредельность, противозакон.

ПРОТИРІЧЧЯ В ТЕОРІЇ ЗЛОЧИНУ

Різноманіття можливих підходів до вивчення злочину зводиться до двох найбільш загальних принципів – тоталізації та контрадикції. Розбір деяких проблем платонівського діалогу «Філеб» використовується як приклад неефективності тоталізуючого методу. Злочин осмислюється як прорив обмеженого цілого на користь безмежного становлення суб'єкта.

Ключові слова: теорія злочину, тоталізація, контрадикція, межа, безмежність, протизакон.

CONTRADICTION IN THE CRIME THEORY

The variety of possible approaches in crime studies is reduced to the two most general principles – totalization and contradiction. Analysis of some problems of the Plato's dialogue «Philebus» is used as an example of uneffectiveness of totalization method. Crime is rethought as a breach of the limited wholeness on behalf of the endless becoming of subject.

Keywords: theory of crime, totalization, contradiction, limit, unlimited, counter-law.

«Every cop is a criminal, And all the sinners saints».

Rolling Stones

«С одной стороны, сказано: возлюби, а с другой стороны, сказано: не балуй. Может, лучше вовсе не возлюбить? А сказано: возлюби. А возлюбишь – набалуешь. Что делать?» Д.Хармс

Кто совершает преступление? Что совершается в преступлении? Для кого оно преступно? Эти вопросы напрямую приводят проблему субъект-объектного раздвоения в область философии истории. Именно историчность всякого преступления и преступность всякой истории преодолевают мнимую ясность только субъекта и только объекта, демонстрируя их полное перемешивание, взаимоперекрывание и даже тождество. Точнее, субъект-преступник, действуя против субъекта-жертвы, пытается впоследствии скрыться за объективными процессами природы, отводя от себя вину. До сих пор преступление оставалось предметом профессионального практического интереса, криминалистики. Если философия и берет порой то или иное знаменитое противозаконное событие в качестве примера для заранее найденного ответа на заранее поставленный вопрос, то это еще не философия преступления. Что же мешает ей появиться?

Прежде всего, неизбежное включение этического инстинкта, попытка сразу откеститься от результата преступного акта, когда исследователь всегда помнит, что слишком пристальное внимание к некоторым деталям может поставить под вопрос его позицию холодного наблюдателя. Так, знаменитая формула Адорно «После Освенцима любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой – всего лишь мусор» [1, с.327] выглядела, когда была только что сказана и особенно выглядит сегодня, как банальный перехлест. Потому что non sequitur. И особенно потому, что любое крупное преступление, выбранное в качестве конца мировой или европейской истории, ничем не лучше/хуже любого другого преступления. Разве что придется объявить подлинно важными те злодеяния, где число жертв превышает необходимый числовой порог и мерить зло на вес. Тогда смерть или прижизненная трагедия *одного* человека будет считаться *недостаточной*, чтобы на неё обратили внимание. А это и есть худшая ошибка для подлинной этики.

Следующая обыкновенная преграда на пути появления философии преступления заключается в существующей тысячелетиями *юридической точке зрения*, которая автоматически становится образцом и для построения новой нелегальной теории. До сих пор все рассуждения на тему

преступления и преступника сводились к произвольному сочетанию уголовного права, психиатрии и криминалистики. Каждая дисциплина преследует разные цели и предопределена своим готовым набором понятий. Вместо исследования чистого опыта преступления, дается новое обоснование старых постулатов о преступлении и необходимо связанного с ним, неотлучно следующего за ним *наказания*. Философ оказывается ослепленным, почти как Фемида, но совершенно напрасно, поскольку ему-то как раз не грозит пристрастность, до тех пор пока он остается самим собой. Необходимо оторвать закон от беззакония, преступление от наказания, чтобы отделенные и выставленные на свет разума, разума, насколько возможно, чистого, а не практического, эти явления могли сказать о себе сами, без суфлерской поддержки готовых мнений.

Еще одна трудность – вопрос о методе. Ни феноменология, ни герменевтика, ни психоанализ не дадут философии преступления. Подобные попытки были неоднократно предприняты и закончились провалом. Связано это с тем очевидным сегодня и не вполне ясным в момент зарождения этих подходов обстоятельством, что всякий новый философский метод есть одновременно и учение, содержательная онтология. Не всегда создатели этих новых методов были готовы признать, что для плодотворного их применения нужно прежде «уверовать» в истину соответствующей картины мира, опыта или сознания. Несколько конкретных примеров.

В завершение своей работы «Априорные основания гражданского права» Адольф Райнах заявляет позицию не только свою собственную, но и позицию всей феноменологической школы таким образом: [правовые] «законы ... коренятся не в том, что именно эти люди или что люди вообще осуществляют эти акты и являются носителями требований и обязательств, но они коренятся в сущности актов и в сущности правовых образований – независимо от того, где и когда они реализуются. Они относятся не только к нашему миру, но к любому мыслимому миру вообще. ... это сфера абсолютно своеобразных и чисто правовых предметностей. И поэтому те законы, которые к ним относятся, никоим образом не могут рассматриваться в качестве естественных законов» [5, с.324-325]. Здесь догмы феноменологии (как ни странно такое сочетание) являют себя без всякой оговорки: сущности актов, предметности, значимость без существования, *антропологически независимые* законы. Сюда можно отнести и позднюю феноменологическую этику в работах Левинаса, с его Ликом Другого как запретом на совершение зла, окончательно переходящую в теологическую сферу, полностью закрывая возможность беспристрастного исследования преступления.

Свежий пример психоаналитического рассмотрения криминального события – недавняя книга английского фотографа и философа Генри Бонда «Лакан на месте преступления» [6]. Бонд (фамилия невольно наводящая на размышления!) пришел к прекрасной идее, но тут же и испортил её. Как профессиональный фотограф, он почуял огромную роль визуальности во всякой преступном событии, но как доморощенный (иначе и не скажешь) философ превратил потенциально революционное исследование в набор интеллектуальных штампов. Уже название книги предвосхищает подход автора: в качестве категорий, описывающих место преступления, вводится лакановская триада «перверт-психотик-невротик». Под эти-то понятия подставляются затем, крайне натужно и без всякого правдоподобия, конкретные уголовные дела из архивов британской полиции. Самая интересная и ценная часть книги – фотографии мест совершенных преступлений. Насколько они сами по себе красноречивы, настолько искусственны и путаны объяснения их с точки зрения лакановского психоанализа.

Как видно, худшее, что может произойти в теории преступления – появление классификаций. Типы преступлений или преступников, «подобные случаи известны в литературе и в уголовной практике», подобной логики следует избегать, если речь идет о сущности преступления. Между тем, даже такой выдающийся теоретик преступления, как Джереми Бентам, в своем главном этическом сочинении «Введение в основания нравственности и законодательства», по существу, нигде не углубляется в самостоятельное значение конкретного преступления, а сразу выписывает ему абстрактное определение – вредности или безразличности:

«Тенденция акта бывает вредна, когда вредны его последствия, т.е. его последствия известные или вероятные. Сколько и каковы бы ни были последствия акта, имеющего вредную тенденцию, те из них, которые вредны, могут быть поняты как нечто целое, и это целое может быть названо вредом акта. Этот вред часто как будто разделяется на две доли или части: одна содержит то, что может быть названо первоначальным (primary) вредом; другая — то, что может быть названо вторичным (secondary) вредом. Первоначальной долей вреда может быть названа та, которая переносится одним известным индивидуумом или многими известными индивидуумами. Вторичной — та, которая,

происходя от первой, простирается или на целое общество, или на какую-нибудь другую массу неизвестных индивидуумов» [3, с.182]. Выходит, преступление возможно только в обществе. Или точнее, только там, где оно становится *видимым*. Невидимое преступление лишено виновных и жертв, правосудие в мире слепых было бы невозможно. Лишь существование *свидетелей* впервые создает преступление, причем необходимы свободные и разумные свидетели, ведь животные (за исключением маловероятного случая, описанного Э.По в рассказе «Черный кот») не могут быть в этом смысле полезны. Люди спокойно совершают любые акты насилия против животных, не считая их достаточно субъективными, чтобы вступать в этические отношения. Нужна равная преступнику жертва, чтобы добро и зло начали работать как понятия. Следовательно, *преступление есть нарушение равенства, но без равенства и не существует*. Равенство здесь понимается как внешняя объективность пространственной рядоположенности предметов. Субъективация в таком случае предстает как разрушение взаимного равнодушия животных тел и насилие одного из них над другим, внутренняя иерархизация воли. Но эти субъективные воли неминуемо строят новую искусственную объективность, которая будет опять разрушена преступлением.

«Мне нужно исследовать акт, покушающийся на безопасность индивидуума. Я сравниваю все удовольствие или, другими словами, всю прибыль, которая приходится от этого акта совершающему его лицу, со всем тем злом или той потерей, которая происходит отсюда для терпящей стороны. Я вижу, прежде всего, что зло первого порядка превышает благо первого; но я не останавливаюсь на этом. Это действие влечет для общества опасность и тревогу. Это зло, существовавшее прежде только для одного, распространяется на всех в форме страха. Удовольствие, проистекающее из действия, бывает только для одного, а страдание является для тысячи, для десяти тысяч, для всех. Эта непропорциональность уже громадна, но она кажется мне бесконечной, когда я перехожу к злу третьего порядка, принимая в соображение, что, если бы акт, о котором идет речь, не был подавлен, из него произошло бы еще всеобщее и продолжительное уныние, прекращение труда и, наконец, распад общества» [3, с.215-216]. А вот здесь цепочка умозаключений не так крепка, как казалось автору. Если бы подобных покушений на безопасность не было, то откуда взялось бы само общество? Первыми актами насилия для человека были, несомненно, нападения диких животных. Они-то и привели к необходимости объединения аморфных скоплений особей в племя. Затем начались неизбежные (пусть и только гипотетически понятные для нас) процессы дифференциации внутри племени, борьба за власть, территорию, расслоение на сильных и слабых, богатых и бедных. Каждый раз эта дифференциация происходила через преступные акты. Но общество почему-то не распалось. Общество лишь *упорядочило последовательность* преступлений и до сих пор занимается тем же самым.

В основу всех или большинства существовавших до сих пор теорий преступления были положены два понятия – понятие *тотализации* (в гегелевском смысле включения моментов становления в бесконечное целое) и понятие *контрадикции (противоречия) между целым и конкретным*. Понятие тотализации сводится к тому, что целое всегда важнее частного и находится в отношении к последнему как исток и как итог. Целым может называться мир природы, общество, законодательство, нравственность. Частью всех этих тотальностей является конкретный человек с его личными интересами и желаниями. Он может рассчитывать на существование и удовлетворение своих потребностей только в том случае, если подчинится Целому. Данный тотализирующий императив легко выявляется в платонизме (идеальное государство, живущее по законам мира идей), августицизме (где Град Божий противостоит греховному граду земному), томизме (в иерархии благ, высшим из которых является созерцание Бога), затем в политической философии Гоббса (общественный договор против войны всех против всех), гегельянстве (государство как итог развития Духа на земле), политической теологии Шмитта (право фюрера на чрезвычайное положение ради защиты права). С древности и до середины 20 века в теории преступления господствует один и тот же закон – стань рядом с нами или будь раздавлен. Но против этого закона (часто выдаваемого даже за закон природы) выступает с самого начала *противозакон*, противоречие между конкретным и целым. Он заключается в неподчинении законам целого (будь то природа или общество) и произвольном невыполнении «своих», а на деле навязанных извне обязанностей. Такова двусмысленная мораль греческих софистов, несводимое к идее понятие «середины» в этике Аристотеля, беспричинность воли у Дунса Скота и мистиков, философия естественного воспитания Руссо, метафизика абсолютной свободы у Фихте и, наконец, аристократизм Шопенгауэра и аморализм Ницше. Какое же из этих двух направлений ближе к истине?

Для ответа на этот вопрос нужно углубиться в понятие целого и понятие противоречия. Оба эти понятия еще в древности были с образцовой ясностью рассмотрены пифагорейцами и Платоном в диалоге «Филеб». Первые, по свидетельству Аристотеля, вывели «десять начал, расположенных попарно: предел и беспредельное, нечетное и четное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое» [2, I, с.76]. Важнейшей парой была первая – предел и беспредельное, причем сама вселенная оказывалась продуктом «дыхания» беспредельного, которое разделялось в пустоте бесконечными пределами-числами. Для Платона противоположность предела и беспредельного стала основой для исследования сущности удовольствия. «Воспринявший что-либо единое тотчас же после этого должен обращать свой взор не на природу беспредельного, но на какое-либо число; так точно и наоборот: кто бывает вынужден прежде обращаться к беспредельному, тот немедленно вслед за этим должен смотреть не на единое, но опять-таки на какие-либо числа, каждое из которых заключает в себе некое множество, дабы в заключение от всего этого прийти к единому» [4, III, с.15]. То есть, нет прямого доступа к бесконечному и конечному самим по себе, человеку доступны лишь опосредования, градации между пределом и беспредельным. Предел здесь – идея, беспредел – телесность. Тело испытывает вечную нехватку, опустошение (в виде голода, жажды, полового влечения) и никакое временное наполнение этой пустоты не может быть окончательным. Тела «текут» в потоке желаний. «[Сократ:] каждое же определенное становление становится ради определенного бытия, все же становление в целом становится ради всего бытия. – Протарх: Это совершенно ясно. – Сократ: Следовательно, удовольствие, если только оно — становление, необходимо должно становиться ради какого-либо бытия. – Протарх: Как же иначе! – Сократ: Стало быть, то, ради чего всегда становится становящееся ради чего-то, относится к области блага; становящееся же ради чего-то нужно отнести, любезнейший, к другой области. ...[Сократ:] удовольствие — это становление и никакого бытия у него нет ... Стремящийся [к удовольствию] избирает, следовательно, разрушение и становление, а не ту третью жизнь, в которой нет ни радости, ни печали, а только разумение, сколь возможно чистейшее» [4, III, с.62-63]. Платон не может не выбирать бытие вместо становления, для него конкретное, в сущности, даже не вполне *есть*, а только является, кажется. Точнее, подлинной конкретностью обладают только идеи, но с введением понятия присутствия (парусии) в отношения тел и идей эта конкретность становится подозрительной. Потому что, чем более конкретной делается идея, тем больше в ней проступает оттенок конечности и телесности. Идея начинает «отбрасывать тень». Чтобы избежать этого, Платон вынужден отождествить идеи с пифагорейскими числами, но это делает его мир окончательно безжизненным. Поток становления не поддается точному исчислению и количество идей приходится умножать до бесконечности. Не только вещи, но и люди до конца неопишуты в бесконечной смене своих внутренних и внешних состояний. Не в последнюю очередь, это затруднение вызвано проблематическим положением души в платонизме. Идеи конкретной души там, строго говоря, быть не может, иначе будет немедленно утрачен основной признак идеи – всеобщность. Душа как идея всегда «всеобща», а так называемая «моя» душа, по Платону, совсем не моя, все «мое» в ней – привходящий «мусор» из телесного мира становления: желания, несовершенства, все особенное. Я не только «пачкает» душу при жизни, но и после смерти заставляет её вращаться в цикле перевоплощений из-за накопленных личных грехов. Само понятие Я, своевольной конкретной души, в позднем платонизме («Законы») становится причиной всех преступлений. Отсюда уже недалеко до христианского понятия первородного греха.

Но все последующее развитие европейской субъективности проходило под знаком все большей индивидуализации и конкретизации. Именно случайное, личное Я оказалось важнее абстрактной идеи (казус Абельяра), именно становление в потоке страданий и сомнений привело к появлению современного человека как свободного субъекта своих поступков, хозяина своей жизни. Каждый же шаг своего освобождения человек покупал *преступлением пределов прежнего Целого*. Разве не был Лютер преступником для всей католической церкви? Разве не вышел Гамлет за пределы всех договоренностей датского королевства ради поиска правды самого себя? Разве Фауст не пошел на сделку с Мефистофелем ради познания новой жизни? Впрочем, зачем останавливаться на сравнительно поздних примерах – еще Иисус Христос преступил древнюю мораль в Нагорной проповеди, переполненной парадоксами для человека античности. И каждый раз расплата за переход в новую бесконечность была самой безжалостной, но обретенная истина успевала до того внутренне освободить преступника и его последователей.

© Яцишина Г. А.

Так мы приходим к неизбежному (по крайней мере, для нас лично) выбору в пользу *контрадикторной*, а не тотализирующей теории преступления. Она предпочтительна в силу своей историчности: мы не знаем, что и почему будет объявлено преступлением завтра, но наверняка это новое преступление изменит мир. К лучшему, к худшему ли, но только через преступление может развиваться земная жизнь человека. Попытки заморозить это развитие скрижалями тех или иных ценностей (от 10 заповедей до сверхчеловека) обречено на крах. Человек навсегда стал субъектом, т.е. *пределом самого себя*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика. — М.: Научный мир, 2003 — 374 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). — М.: Мысль, 1975—1983. // Т. 1. / Ред. и вступ. ст. В. Ф. Асмуса. — 1975. — 552 с.
3. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998 - 415 с.
4. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль. 1990—1994. // Т. 3. 1994. — 656 с. — (Серия «Философское наследие»)
5. Райнах Адольф. Собрание сочинений. — М., Дом интеллектуальной книги, 2001. — 482 с.
6. Bond Henry, Lacan at the Scene. — Cambridge, Mass: The MIT Press, 2009 — 256 pp.

Яцишина Г. А. — здобувач кафедри філософії та соціології Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського».

УДК 121.7+34

КОНЦЕПТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ВЛАСНОСТИ У ВИМІРАХ «ВІДКРИТОГО» СОЦІУМУ

В статті розглядається проблема інтелектуальної власності в контексті розвитку творчої, інтелектуальної діяльності. Аналізується поняття «інтелектуального потенціалу» суспільства як умови розвитку людини.

Ключові слова: інтелект, творчість, інтелектуальна праця, творча діяльність, інтелектуальна власність, інтелектуальний потенціал.

КОНЦЕПТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИЗМЕРЕНИЯХ «ОТКРЫТОГО» СОЦИУМА

В статье рассматривается проблема интеллектуальной собственности в контексте развития творческой, интеллектуальной деятельности. Анализируется понятие интеллектуального потенциала общества как условия развития человека.

Ключевые слова: интеллект, творчество, интеллектуальный труд, творческая деятельность, интеллектуальная собственность, интеллектуальный потенциал.

THE CONCEPT OF INTELLECTUAL PROPERTY IN DIMENSIONS OF "OPEN" SOCIETY

The article explores a problem of intellectual property rights in the context of creative intellectual activity. The concept of "intellectual capacity" of society as a condition of its development is analyzed.

Keywords: intelligence, creativity, intellectual work, creative work, intellectual property, intellectual potential.

Вступ. Існує розповсюджене переконання, що кожна діяльність є по-своєму креативного (творчою). Однак таке твердження занадто узагальнює розуміння сутності інтелектуально-творчого продукту, отожднює його з предметно-фізичною діяльністю. Продукт інтелектуальної, творчої праці *неможливо* привласнити «реально», «безпосередньо» саме тому, що він в принципі не може слугувати об'єктом індивідуально-приватного споживання. Винахід, ідею, задум, теорію неможливо використати як побутовий предмет.

Проте можуть виникати заперечення, особливо з позицій розсудкової, «буденної» свідомості: невже наукові ідеї, винаходи, картини, книги, витвори мистецтва не купуються і не продаються